

Н. ОСТРОВСКИЙ

СЧАСТЬЕ ЖИТЬ

В наше время даже темная ночь становится пылающим утром. Никогда не мечтал я о таком счастье, как то, что завоевано теперь. Какой неоспоримый пример возможности борьбы и работы, даже в условиях, в каких в буржуазном мире человек гибнет в одиночестве.

Я пишу теперь вторую книгу о молодежи, о новых людях нашей страны, о том, что я хорошо знаю.

Действие снова проходит на Украине, моей родине, которую я прошел пешком вдоль и поперек. Пишу о том, что ярко запомнилось, что можно правдиво передать.

Желания работать у меня много, и я хочу, я даже обязан прожить еще минимум три года, чтоб дать нашему юношеству одну-две родных ему книги.

Это очень важно, для меня в особенности. Вот почему я так много работаю, подготавливая материал, организуя его. Много читаю и, готовясь, много учусь.

Рост—это движение вперед. Для меня качество второй моей книги—дело чести. Я буду работать настойчиво и любовно, вкладывая в нее все, что дали мне пятнадцать лет моей коммунистической жизни.

Победа первой книги не может закружить мне голову.

Делаю все, чтоб новое дитя родилось разумным и красивым. Есть для чего жить!

СЛАВНЫЙ БОРЕЦ ЗА СОЦИАЛИЗМ

В 1904 году в местечке Шепетовка, Изяславского уезда, Волынской губернии, в семье рабочего родился Николай Алексеевич Островский. В раннем возрасте он лишился отца. Семья перебивалась на заработке матери и старшего брата Артема, слесаря железнодорожного депо.

В 1915 году Островский изгоняется из церковно-приходской школы за вечные нелады с попом и с большим трудом устраивается на работу в станционном буфете.

Так начинается трудовая жизнь, юность рабочего подростка, успешного познать всю тяжесть капиталистической каторги. С 1915 по 1919 год Островский работает кузовщиком, рабочим материальных складов, подручным кочегара на электростанции, а в 1919 вступает в комсомол, в ряды бойцов за освобождение родной Украины от немецких и польских оккупантов.

Николай Островский—отважный кавалерист конных частей Котовского и Будного. Перенеся ранение и контузию, он демобилизуется лишь по окончании гражданской войны. В 1921 году работает в Киеве, в главных железнодорожных мастерских, а в 1922 году—на ударном строительстве железнодорожной ветки. Здесь он захворал тифом, давным осложнением на еще неокрепший после ранений организм.

По выздоровлении Н. Островского направляют комиссаром батальона войск внутренней охраны в пограничный Берездовский район.

В 1924 году—вступление в партию, руководящая работа в комсо-

моле—секретарь райкома, член бюро окружкома.

В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем Н. Островский отзывается в распоряжение ЦК комсомола Украины. Сделано было все, чтобы вылечить Островского и вернуть его на работу, но это в полной мере не удалось.

«Физически потерял почти все, осталась только непоколебимая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии и своему классу»,—пишет Островский в своей автобиографии.

Обладая непобедимой волей, слепой, прикованный к постели, он начинает работу над книгой, в которой хочет показать детство и юность детей рабочих, равный тяжелый труд, показать, как они волевались в классовую борьбу.

Его роман высоко оценен всей трудящейся молодежью Советского союза, рабочим классом, партией и правительством.

Николай Островский закончил сценарий по роману «Как закалялась сталь», написал пять глав нового романа «Рожденные бурей», которые напечатаны в последних номерах журнала «Молодая гвардия», и приступил к работе над пьесой для Государственного театра рабочей молодежи.

1 октября Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановил наградить Н. А. Островского орденом Ленина.

МАРК КОЛОСОВ.

(«Правда»)

Первое произведение писателя Николая Островского «Как закалялась сталь» вышло в 1932 году.

Это произведение, написанное большим художником, дышало исключительной бодростью и уверенностью в победе социализма. И трудно было поверить, что автор его лежит прикованный к постели, разбитый параличем, слепой.

Сколько нужно внутреннего огня и бодрости для того, чтобы сраженным тяжелой болезнью не слаться и драться за социализм тем единственным оружием, которое осталось в распоряжении—художественным словом.

Мы сегодня публикуем отрывок из второго романа Островского «Рожденные бурей». Этот роман сейчас печатается в журнале «Молодая гвардия».

Произведения Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» должны прочитать все рабочие нашего завода.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ.

Рожденные бурей

Отрывок из нового романа

Вечером отец и сын осторожно подошли к своему дому. На окне зажженная лампа.

— Значит, все спокойно. Мама дома.

Отец вошел в квартиру, сын остался сторожить у ворот. Целый день юноша кружил по городу, выполняя поручения отца.

Через минуту из дома вышла мать. Находив шепнула на ухо.

— Иду к жене Патлая. У нас Олива. Отца дожидается.

И скрылась в темноте.

«Милая, родная мама! Как она изменилась. Слово молодость к ней вернулась».

— Все будет сделано, товарищ Раевский! У нас на складе в типографии стоит запасная «бостонка». Ручная. Сегодня ночью у нас срочный заказ от ихнего штаба. Приказы, мобилизационные анкеты и воинские книжки надо отпечатать. Я, кстати, и вам принесу всего этого понемножку. Может, пригодится. А это я сегодня ночью сам отпечатал. Пятьсот штук, больше не успею. Только под утро воззвания надо вынести из склада. И набор тоже, а то разбирать его мне некогда будет. А потом я вам шапирограф по частям притащу. Это штука полезная. А то ведь навряд ли придется печатать в самой типографии. Ведь паны, когда прочтут, так все вверх дном перевернут... Это дело надо обтупать основательно, а то и без головы останешься,—говорил Олива спокойно, рассудительно.

Старый наборщик понравился Раевскому. Все лицо в мелких морщинах. Большие очки в медной оправе, а за ними—голубые добрые глаза.

— Скажите, товарищ Олива, там кроме вас никого больше нет, кому

можно было бы доверить?

— Кто его знает? Есть, конечно, порядочные, но в петлю не полезут. Компанийный народ.

— Хорошо, товарищ Олива, действуйте.—Наборщик встал.

— Да, чуть было не забыл! Скажите, вы нам печать сделать не можете?

— Я, конечно, не гравер, но, пожалуй, сделаю. Вам-то ведь не очень фасонистую. Хе-хе...—Морщины на его лице зашевелились, а в уголках глаз собрались веером.—Ну, всего хорошего. Присылайте ребят в пяти утра.

Раевский на минуту задержал в своей ладони черную от свинцовой пыли руку Оливы.

— Почему вы не в партии, товарищ Олива?

— Стар уж. Где уж мне! Пусть уж молодые. А я подсоблю. Меня, если и повесят, так не жалко—свое прожил. Конечно, уливать никому не охота, но все же молодому это тяжелее.

Он посмотрел на Раевского поверх очков строго и, как показалось Сигизмунду, укоризненно.

Когда Олива вышел, Раймонд вошел в комнату.

— Вот что, сыну, мы поручаем тебе организацию коммунистического союза молодежи. Партии нужны сторожевые и разведчики, преданная молодежь. Нелегальная работа требует большой конспирации. От одного неосторожного шага, движения может погибнуть вся организация.

Молодежь иногда неосторожна по неопытности, вот почему прием в члены новых товарищей—весьма важное дело. Принимать можно только отважных, сознательных, готовых пожертвовать даже жизнью. Представь себе, что мы приняли труса, и его почему-либо арестуют. Он ведь выдаст всех в надежде спасти свою шкуру. Его революционности хватит только лишь до первого ареста. Есть такие любители опасных приключений. Наша борьба для них—не кровное дело. Им интересна сама игра. Этим чаще всего страдают интеллигентки, начитавшиеся приключенческих книг.

Когда дело от игры перейдет к смерти, то они «празднуют» труса. Им, собственно, незачем терять жизнь. Основное ядро будущей организации мы наметим вместе. Кого ты считаешь наиболее достойным? Раймонд задумчиво опустил голову.

— Я не знаю, батьку. Это ведь так серьезно,—прошептал он наконец.

— Хорошо, я помогу тебе. Что ты думаешь об Олеге Ковалло? Она из хорошего рода. Их двое—отец и дочь. Кровная связь—кровное дело. Она, мне кажется, смелая девушка?

— Ну, батьку, мне тоже так кажется.

— Ну вот! Один товарищ уже есть. Дальше кого ты знаешь?

Раймонд долго молчал, затем сказал:

— Сарра Михельсон. Ее Шпильман с фабрики прогнал, а хозяин дома сегодня выкинул на улицу. Так и сидит во дворе на сваленных вещах. Я ее только что видел, она в отчаянии... Как бы им помочь, отец?

Раевский что-то обдумывал.

— Пусть переезжают к нам.

— Но где же они поместятся? Здесь и так повернуться негде, а их шестеро. Потом вещи...

— Ничего, нам отсюда все равно надо уйти. Ты же знаешь, что по городу уже рыщут. Нас не сегодня—завтра напугают.

Пусть переезжают, вещь мы распорядимся, как хотим. А нам придется расселиться в разных местах. Я с мамой поселюсь пока у Ковалло, а ты у кого-нибудь из товарищей... Ну, мы с тобой отвлеклись. Значит, Сарра. Хорошо. Кто еще у тебя на примете?

— Есть, батьку, еще Андрей Птаха. У того отваги—хоть отбавляй. Только он озорной очень и может перестараться. По-моему, он сознательный, только очень горячий.

Раевский улыбнулся.

— А вы его будете на самые рискованные дела пускать. Пусть проявит там свою уаль. А осторожность придет вместе с сознанием, что он может погубить не только себя... Он что, твой приятель?

— Да... То-есть, не то, чтобы очень... Зато он очень хорош с

Олесей...—И Раймонд заметно смутился.

— Угу. Что же, это неплохо. Дружба в подполье—огромная вещь.. Еще кого ты думаешь?

— Еще, батьку, есть тот парень, что в тюрьме сидел вместе с Патлаем. Чех Ишеничек. По натуре он—подходящий к Андрию, но, пожалуй, более сознательный.

— Добре. Завтра ты поговори с каждым в отдельности, не называя имен других. Расскажи о всех трудностях, чтобы ребята знали, на что они идут. И только после их доброго согласия можно считать их членами организации. Первую группу утвердит областком партии, а потом новых товарищей будете принимать самостоятельно. Сейчас ты пойдешь на водокачку. Там ночью предстоит серьезное дело. Ковалло скажет. У тебя есть оружие?

— Да, револьвер, который отобрал у полицейского Андрий.

— Ты знаешь, как с ним обращаться?

— Нет.

Давай, я покажу.

Когда Раймонд освоил нехитрую механику пистолета, отец сказал:

— Не забывай: стрелять нужно лишь в исключительных случаях, когда иного выхода нет. Но если уже начал стрелять, то обороняйся до последнего патрона. За один или десяток выстрелов—расплата одна... Иди, мальчик, и будь осторожен...

Впервые отец назвал его «мальчиком». Хотелось сказать отцу что-то нежное, теплое. Но, заметив нетерпеливое движение отца Раймонд поспешно вышел.

МАГИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ
3. СТРАНИЦА

Роман печатается в журнале «Молодая гвардия»: см. № 7, 8, 9.